

Содержание

Часть 1

В небе и на земле

7

Часть 2

Большой город

149

Часть 3

Лаборатория

245

Часть 4

Ответы

367

Часть 1

В Небе
и на Земле

Глава 1. Ган

День, когда что-то огромное появилось в чистом утреннем небе, поначалу ничем не отличался от прочих.

Команда разведчиков, среди которых были и Ган с Тошей, возвращалась домой, в Агано, после удачной вылазки. Они не обнаружили и следа чужаков, вести о которых доходили до княжества в последние несколько дней из Ри, их подконтрольной общины, зато на обратном пути славно поохотились и теперь везли с собой две оленьи туши, перекинутые через конские седла.

Ган шел в некотором отдалении от группы — гнедого Геза он предоставил для перевозки одной из туш и теперь отрешенно смотрел на безжизненную оленью голову, чьи царственные рога запылились и едва не касались земли. Геза вел под уздцы Тоша. Он, как всегда, был горд собой и всем доволен и о чем-то подробно рассказывал светловолосой Зиме, охотнице из Ри. Зима рассеянно слушала, то и дело поглядывая на кого-то из бредущих впереди... Впрочем, Тоша, судя по раскрасневшимся пухлым щекам и довольной улыбке, явно считал, что все идет как надо.

Остальные тоже выглядели довольными. Уставшие ночевать под открытым небом и проводить дни напролет в седле, теперь они собирались отдохнуть: несколько дней танцевать, пировать, петь песни — в этом в Агано знали толк. Время от времени Ган ловил на себе взгляды кого-то из них, выжидательные или восторженные, встревоженные или просительные. Он привык к этим взглядам, но сегодня ему не хотелось их замечать.

Прошло уже больше двух месяцев с тех пор, как он оставил Каю с Артемом в Северном городе. Ган не раз обещал себе не следить за временем, но потом обнаруживал, что невольно продолжает вести отсчет. Он точно помнил день, когда простился с Каей. Поначалу он был уверен, что воспоминания о ней сгладятся, испарятся, как ночной туман с первыми солнечными лучами, но время шло, а они становились только ярче. Рыжий цвет ее волос, внимательный и серьезный взгляд серых глаз, ее порывистые движения, прямая и быстрая походка... Иногда мысли о Кае терзали его особенно сильно. Как, например, сегодня.

— Эй, князь! — жизнерадостно окликнул его Тоша, подводя Геза ближе. — А что скажешь, не приказать ли изжарить этого оленя, как приедем домой, в наше славное княжество? Устроили бы пир на весь мир, а?

Говоря, он искоса посматривал на Зиму: проверял, заметила ли она, что он с князем на короткой ноге. Обычно это забавляло Гана, но не сейчас.

— Ночи становятся длиннее, а вечера — холоднее, — отозвался он сухо. — И тебе, мой добрый друг, стоило бы боль-

ше думать о подготовке к холодам, а не о пирах и празднествах.

Тоша сник, и Ган почувствовал досаду: в последнее время он ощущал себя постаревшим лет на десять и образу, который он так долго и кропотливо создавал, чтобы управлять княжеством, это на пользу не шло. Нужно было что-то делать.

Ган рассеянно провел пальцами по сети шрамов, много лет назад испещривших левую половину подбородка и часть щеки, и, как всегда в минуты задумчивости, отбросил с лица прядь темных волос, заправил ее под тонкий золотистый обруч. Ночи действительно становились длиннее, и лесные псы, смелея, были все ближе к стенам. Некоторые твари недолгоблюдали холод, и это было хорошо, но других, наоборот, он делал сильнее. Конечно, было еще далеко до настоящей осени, но Ган видел, что его люди становятся все напряженнее, и не последнюю роль в этом играло то, как он держал себя с ними. Раньше их питала его самоуверенность и веселость. Он был их князем, который создал для них Агано и придумывал в нем все новые и новые игры, а значит, не имел права ни скучать, ни грустить.

— Эй, Тоша, — он через силу ухмыльнулся, — я подумал, может, ты и прав. Конечно, нам с вами, мои добрые подданные, стоит делать запасы, но от половины оленя их не убудет, не так ли? Пир так пир! Нам всем не помешает повеселиться. — Он кивнул в сторону отвернувшейся Зимы и подмигнул Тоше. Тот тут же просиял в ответ — его обожание

легко было вернуть. Иногда Гану казалось, что Тошу невозможно заставить в нем усомниться.

— Открыть ворота! Князь вернулся! Ган дома!

Еще не разглядев, кто именно стоит на вышке, Ган уже понял по привычному голосу, что сегодня там дежурит Шрам, их врач. Князь сделал мысленную пометку: дать Шраму понять, что как врач он слишком ценен, чтобы торчать на вышке. Главное — столкнуться с ним как бы случайно и говорить мягко. Иначе Шрама легко уязвить.

Тяжелые створки ворот медленно и беззвучно открылись — но, вопреки обыкновению, жители Агано не бежали встречать всадников. На главной улице княжества было на редкость безлюдно, и Ган опустил ладонь на рукоять пистолета у пояса, другой рукой проверяя, легко ли вынимается меч из ножен.

— Ган! — Со стороны теплиц, перепрыгивая через глубокие лужи, еще не высохшие после недавнего дождя, к нему навстречу неслась Саша.

Время в Агано пошло ей на пользу: темные кудрявые волосы были украшены десятком косичек со стеклянными бусинами и пятнистыми перышками, в последнее время вошедших в моду у девушек княжества. Ее щеки разругались от бега, а тело стало более гибким и крепким с тех пор, как, благодаря Кае и Артему, она вместе с сестрой выбралась из города Тени и явилась в Агано. Тогда на Саше был грязный балахон из тех, что носили фанатики, от которых они еле унесли ноги. Теперь же она была одета в светло-голубую

тканую тунику, джинсовые штаны, перешитые из одежды старого мира кем-то из местных мастериц, и кожаные сапоги до колен. Туника была измазана глиной — видимо, до приезда Гана она лепила горшки с сестрой. Он поймал себя на том, что слишком пристально рассматривает ее, и почувствовал досаду.

Кажется, Саша с трудом подавила желание броситься прямо к нему — резко затормозила сапожками в шаге от лошадей, не сводя с него сияющих глаз.

— Ган, — повторила она, на этот раз чуть тише, — ты вернулся! Там...

— Как видишь, моя леди, — отозвался он в шутливой манере, установившейся в последнее время между ними. — Но что это случилось с жителями нашего славного княжества? Почему не выходят встречать своего князя и бравых добытчиков?

— Ган, скорее, — возбужденно затараторила она, нервно переступая на месте, — там, у восточной вышки, все смотрят... Ган, там что-то в небе!

— В небе? — настороженно переспросил он и придвинулся ближе к ней. Его группа была слишком занята оленями, а значит, еще какое-то время можно скрывать от них происходящее, что бы это ни было. — Что значит «в небе»? Ты имеешь в виду гарпий или...

— Ох, нет! — Кажется, она и вправду была сильно взбуждена, раз перебивала его, сама того не замечая. — Это... вообще ни на что не похоже, идем, сам увидишь...

— Ну что ж... Добрые люди, прошу, разгружайте коней, отдыхайте с дороги, — торопливо бросил он назад, — дела не ждут! — И добавил уже тише: — Пойдем.

Саше приходилось подстраиваться под его широкий шаг, но, кажется, ее это не смущало. Пыхтя, она почти бежала рядом с ним, продолжая тараторить на ходу. В этом они с Тошей были похожи: кажется, что бы Ган ни сделал, они никогда не разочаруются в нем. И, наверное, это должно было его радовать, но Ган чувствовал только скуку.

Похоже, почти все жители Агано столпились у восточной вышки. Неподалеку лежало на земле белье, развешанное кем-то сушиться, — любопытные снесли его и втоптали в грязь. Взрослые возбужденно переговаривались, дети галдели, путаясь у них под ногами. Белая лохматая собака, отзаввавшаяся на все клички, обычно бежала к воротам, чтобы по-хозяйски встретить всадников... На сей раз ей было не до этого. Вывалив ярко-розовый язык, она скакала рядом с людьми, лая и поскуливая, бешено виляя хвостом, внося свою лепту в общее волнение.

Завидев Гана, люди расступились, пропуская его вперед.

— Князь, погляди!

— Оно там, над деревьями висит, Танк первый увидел, а потом меня позвал...

— Да вы полезайте, на вышку полезайте, так виднее будет...

Ган и без вышки видел странный предмет, парящий в небе, но молча полез наверх, просто чтобы посмотреть на него спо-

койно, а не в окружении взбодораженной толпы, дышавшей над ухом и мешавшей думать.

Воздух на вышке был, казалось, прохладнее. У деревянных перил толпилось человек пять, но все они, с любопытством и тревогой поглядывая через плечо, стали спускаться, освобождая ему место. Ган подошел к перилам.

То, что появилось прямо рядом с его княжеством, было ему совершенно неведомо, и, возможно, ему стоило испугаться. Формой оно напоминало огурец и выглядело абсолютно гладким. Внизу, под «огурцом», Ган увидел что-то вроде вагончика. Конструкция начала двигаться быстрее, и через пару минут Ган разглядел крохотные круглые окошки, похожие на морские иллюминаторы с картинок, а потом и то, из-за чего поначалу ему показалось, что чужаки на летающем судне терпят бедствие... Между продолговатой частью и вагоном с окошками пылали три костра, но уже через пару минут стало ясно, что их пламя, ровное и мощное, полностью контролируется людьми на корабле. Прищурившись, Ган сумел различить крохотные фигурки, прильнувшие к иллюминаторам.

Он почувствовал, как к нему возвращаются силы. Впервые за много дней он снова был собой. Прекрасное ощущение! Там, над верхушками деревьев, парила загадка, которую нужно было разгадать, угроза, с которой предстояло сразиться, — и это было как раз по его части.

— Что это за штуковина? — Тоша, тяжело дыша, встал рядом с ним, благоговейно разинув рот. — Ган... Это... что такое? Нечисть?

Сразу вслед за ним из люка в полу вышки показалась кудрявая Сашина макушка.

Ган медленно покачал головой:

— Нет, не думаю. Видишь форму? И пар, — прошептал он уже себе под нос, — пар... Умно.

— Что? — Тоша смотрел на него во все глаза. — Пар? В смысле — пар? Так это не нечисть, нет?

— Нет, не нечисть. — Ган рассеянно постучал по перилам. — Ступай вниз, Тоша. Вели всем приготовиться и вооружиться. Пусть защитники поднимутся на вышки, а стрелки — в гнезда на стенах. Скажи матерям, чтобы спустились с детьми в погреба. Дружину — к оружию, всех. Вече — ко мне. Возможно, разговорами дело и ограничится, но осторожность не повредит.

Тоша кивнул и торопливо спустил ноги в люк — в опасных ситуациях он становился серьезным и реагировал быстро, и именно это, а не абсолютная преданность, делало его ценным помощником.

— Думаешь, они поговорить хотят? — Саша встала рядом с Ганом, не отрывая взгляда от воздушного судна на горизонте.

— Если бы хотели атаковать, думаю, заходили бы с другой стороны. — Ган указал пальцем на солнце. — Видишь, так они у нас как на ладони. Идиотский поступок, если они действительно хотят боя.

— Может, они просто очень уверены в себе, — пробормотала Саша.

Это замечание Ган предпочел пропустить мимо ушей — разумеется, об этом он уже и сам подумал... И такой вариант ему совсем не нравился. Как могли быть вооружены люди, чьих ресурсов хватило, чтобы построить такую огромную машину? Откуда они взялись и чего ради проделали путь до Агано?

— Забери Ингу, — сказал Ган, — спрячьтесь, слышишь? И не выходите, пока не позовем. Мы разберемся.

— Я попросила Шрама забрать ее. Я хочу остаться с тобой. Можно?

— Нет, нельзя, — отозвался Ган куда резче, чем собирался, и добавил уже мягче: — Позаботься о своей сестре, Саша. Если нужно будет еще и о тебе волноваться... В сражении это мне помешает.

Ган рассчитал верно: Сашины глаза радостно сверкнули, когда она услышала, что он будет беспокоиться о ней.

— Ладно, — неохотно протянула она, — пойду...

Оглянувшись на люк, она робко коснулась губами его щеки. Чтобы дотянуться, ей пришлось встать на цыпочки. Кае достаточно было бы приподнять голову — к тому же к ней он бы наклонился и сам.

— Пожалуйста, будь осторожен, — шепнула Саша, отчаянно краснея и комкая края голубой туники. — Я пойду.

Ган кивнул Саше и постарался улыбнуться по-доброму: всего на мгновение ему стало ее жаль... Но почти сразу он забыл о ней — и еще с минуту стоял на вышке один, пристально всматриваясь вперед.

Воздушный корабль приземлился недалеко от границ княжества, на опушке леса, и Ган приказал выжидать. Вместе с несколькими защитниками и своим вече он занял место на вышке над главными воротами, чтобы первым увидеть экипаж корабля. Тоша и некоторые другие рвались выступить навстречу чужакам, но было бы чистым безумием выходить из-под защиты надежных стен, не зная ни численности вновь прибывших, ни их намерений. К тому же князь был абсолютно уверен: гости не заставят себя долго ждать... И он оказался прав.

Чужаков — во всяком случае тех, кто решил выйти к жителям Агано — было не так много. В группе, подошедшей к главным вратам, Ган насчитал пятнадцать человек. Одеты чужаки были хорошо, в черную и коричневую кожу с сияющими на солнце металлическими цепочками и заклепками. Вооружены они были огнестрельным оружием причудливого вида — судя по всему, многозарядным, у некоторых Ган заметил оптический прицел... Впрочем, на поясе у чужаков висели и ножи, и короткие мечи. В большинстве своем это были мужчины, рослые и сильные, хотя в хвосте Ган заметил и пару женщин с короткими стрижками и грубыми лицами. Во главе группы тоже шла женщина — очень высокая, лет пятидесяти, с длинными черными косами с проседью, уложенными в замысловатую прическу. Ее глаза были скрыты темными очками с квадратными стеклами, а черная кожаная куртка украшена многочисленными нашивками, цепочками и заклепками, позвякивающими при каждом шаге. В правой руке она несла бе-

лый флаг — символ мирных намерений... Впрочем, от Гана не укрылось и то, что вторую руку женщина держала на рукояти пистолета или ножа — с высоты было не разглядеть.

— Приветствуем вас, чужеземцы! — Ган сделал шаг вперед, мысленно прикидывая: достаточно ли он далеко, чтобы его не достали выстрелом? — С чем вы явились ко вратам славного княжества Аганского?

Женщина откашлялась в некотором недоумении, а потом закричала в ответ:

— С кем мы говорим?

Тоша сделал шаг вперед, разве что не приплясывая от гордости и нетерпения.

— Вы имеете честь говорить с Ганом, князем Агано, властителем окрестных лесов, дофином Ри, Авденалии, Лории, главой большого вече, главнокомандующим аганской дружины! — проорал он. — Наш владыка приветствует вас! Жители Агано всегда рады гостям, если они приходят к нам с добрыми... добрыми...

— Намерениями, — шепнул кто-то у Гана за спиной.

— Намерениями! — выкрикнул Тоша с облегчением и покосился на Гана. Тот едва заметно кивнул.

Женщина усмехнулась:

— Мы не хотим конфликта. Мы пришли для мирных переговоров. Нам есть что предложить вашему... княжеству.

Ган бросил быстрый взгляд на вече. Тоша, бородатый Ник, старше его самого в два раза, Шрам, поглаживающий бритую голову, — все смотрели на князя не дыша, ожидая его решения.

— В знак добрых намерений, — крикнул Ган, — вам придется сложить оружие у стен и войти в Агано без него. Вам вернуть оружие, когда захотите уйти.

Несколько мгновений женщина перешептывалась со своими спутниками, а потом снова повернулась к воротам.

— Справедливо! Но кто гарантирует нам безопасность в ваших стенах?

— Даю вам свое слово! — крикнул Ган.

— Князь дает вам слово! — зачем-то повторил Тоша. — А он его не нарушает.

— Если этого мало, — сказал Ган, видя колебания женщины, — боюсь, переговоров не будет. Не мы пришли к вам, а вы к нам.

Еще какое-то время женщина шепталась с мужчинами, стоявшими к ней ближе всех, а потом кивнула Гану.

— Хорошо! Мы полагаемся на ваше слово! — Она повернулась к своим людям. — Сложить оружие.

Чужаки покорно отстегнули от поясов пистолеты и ножи, и женщина кивнула Гану:

— Мы выполнили ваши условия. Вы выполните наши. Через два часа мы должны будем выйти из поселения... Иначе наши друзья на дирижабле начнут беспокоиться.

Ган кивнул:

— Мы договорились.

Ворота медленно открылись, впуская чужаков. Ган торопливо спустился с вышки, раздавая указания:

— Оставайтесь рядом со мной, — сказал он Тоше и Шраму. — Ник, вели собрать их оружие. И будьте настороже.

Многие пришли посмотреть на чужаков. Люди от вышки уже перебежали к воротам, и теперь здесь собралась бóльшая часть аганской дружины. Ган не возражал. Гости продемонстрировали свою силу — он продемонстрирует свою. В стенах Агано было достаточно бойцов, обученных и вооруженных.

Оказавшись в Агано, темноволосая женщина, нарочито игнорируя глазающий на нее народ, шагнула к Гану и протянула руку:

— Капитан Стерх. Дирижабль, который я привела сюда, — «Герберт У».

Ее рукопожатие оказалось по-мужски твердым, а ладонь — холодной.

— Мой экипаж. Мой старший помощник. — Капитан Стерх небрежно кивнула в сторону мрачного громилы.

— Мое вече. — Ган кивнул на Тошу и остальных — Антон. — моя правая рука и мой герольд. Шрам — главный лекарь Агано. Ник — главный кастелян...

Он представил еще нескольких человек, несмотря на то что капитан Стерх нервно притопывала черным тяжелым сапогом. Что ж, она скоро улетит, откуда прилетела, а вот его люди останутся с ним — и не забудут, что он оказал уважение каждому... Так что придется ей потерпеть.

— Рада знакомству, — скривив губы в улыбке, выдавила капитан Стерх таким тоном, каким обычно желают скорейшей смерти. — Князь... Ган, верно? У нас не так много времени, и, если это возможно, я хочу поговорить один на один.

Ган быстро переглянулся с Тошей и сказал:

— Мы можем побеседовать у меня дома. Ваши люди ждут снаружи — вместе с моими.

Стерх коротко кивнула:

— Годится.

Пока они шли к дому всей толпой, Ган пропустил капитана Стерх вперед в сопровождении Шрама, подозвал Тошу и негромко произнес:

— Проследи, чтобы они не шлялись здесь. Займи их и следи, но не болтай лишнего.

— А остальные? — Когда нужно, Тоша умел говорить тихо и незаметно, одним уголком рта.

— Пусть все остаются на местах. И отправь кого-нибудь к дому с торца — на всякий случай.

— Понял, Ган.

Дом Гана, выкрашенный желтый краской, ничем не отличался от прочих домов Агано, и капитан Стерх и ее спутники выглядели слегка обескураженными, когда процессия остановилась у порога.

— Прошу вас, капитан. — Ган пропустил женщину в прихожую и мягко закрыл за собой дверь. — Чего желаете испить? Не приказать ли прислужницам доставить нам брусничной воды или чего покрепче? Или, возможно, вы проголодались в пути?

— Ничего не нужно, спасибо, — сухо отозвалась капитан Стерх, разглядывая сложенный из речных плоских камней камин и ковер из оленьих шкур перед ним.

На мгновение он вспомнил Каю, раскрасневшуюся, в одежде, насквозь мокрой от дождя, сушившую косу у огня

на этом самом ковре; вспомнил, как она улыбалась ему и как сильно была напугана и взволнована тем, что он мог бы сделать с ней, но не сделал... Возможно, стоило. Быть может, тогда он бы уже давно и думать о ней забыл — тем более сейчас, когда это совершенно не к месту.

— Что ж, — он принужденно улыбнулся, — действительно, полагаю, вы проделали этот путь не ради брусничной воды... Хотя мое княжество ею славится. Но если нет... Тогда ради чего?

Он опустился в плетеное кресло перед столом, заваленным книгами и картами, и кивком предложил капитану занять второе. Она села напротив, закинула одну ногу на другую.

— Я перейду сразу к делу, князь. Я и моя команда летунов прибыли из Красного города, в прошлом Москвы, по приказу нашего императора, господина Сандра. Это имя вам, вероятно, известно?

Ган, помедлив, покачал головой:

— До сих пор новости из бывшей столицы до нас не доходили.

Он лихорадочно размышлял: именно в Москву ушли Кая и Артем, не зная, что именно их там ждет... Он сам был убежден в том, что Москва превратилась в огромный могильник, как и Северный город, — выходит, напрасно?

— Я бы не стала торопиться называть Красный город бывшей столицей. — Стерх сделала особый акцент на слове «бывшей».

Ган пожал плечами:

— Полагаю, вы правы. Если больше не существует государства, что толку говорить о столице?

Капитан Стерх улыбнулась и сняла темные очки. Ее глаза оказались темно-кариими, почти черными, и цепкими, как у гарпии или хищной птицы. Рядом с ухом у нее Ган заметил маленькую татуировку — черный круг, перечеркнутый наискосок.

— Справедливо. Тем не менее я могу со всей уверенностью сказать, что ситуация может измениться, и очень скоро. Крупный город, обладающий огромными ресурсами, стоящий на пересечении потенциальных торговых путей... имеет все шансы вернуть себе влияние.

— Потенциальных торговых путей, — повторил Ган, по примеру капитана подчеркивая слово «потенциальных». — Но, как нам обоим хорошо известно, для реальных торговых путей нужна стабильность... О какой стабильности может идти речь, когда никто не знает, где и когда в следующий момент откроются новые прорехи?

— Прорехи. — Капитан Стерх произнесла это медленно, как будто пробуя новое слово на вкус. — Князь, я успела понять, что вы — умный человек... Большая редкость для такой глуши. Поэтому буду говорить с вами откровенно. Сандр — наш император — стоит на пороге великих открытий... Все мы — на пороге великих перемен. Все эти годы люди в Красном городе не теряли времени даром, и теперь мы действительно близки к тому, чтобы решить проблему нестабильности нашего мира... раз и навсегда.

Ган молчал. В голове роились десятки вопросов, но он понимал: лучшее, что можно сделать, — молчать и ждать, что последует дальше.

Не получив реакции, Стерх продолжила, цепко впиваясь в него взглядом темных птичьих глаз:

— Вы — не первая община, которую мы посещаем, и не последняя. Но мы выбираем только самые многообещающие, чьи лидеры построили что-то значимое. Эти общины будут иметь вес в новом мире, созданном нами... Совместными усилиями, разумеется. Мы видели ваши территории сверху. И нам хорошо известно, что это место — Агано — не единственное поселение под вашим контролем. Вместе мы могли бы многого добиться.

Ган хмыкнул:

— При всем уважении, капитан... Вы — не первый человек, от которого я слышу что-то подобное. Более того, я и сам каждый день говорю красивые слова своим людям. И, как вы заметили, мы и так сумели многого добиться... Без посторонней помощи. Не думаю, что ваше предложение... в чем бы оно ни заключалось... мне интересно.

Капитан Стерх снова улыбнулась — на сей раз в ее улыбке была снисходительность:

— Я ждала этого ответа. Разумеется, вы не обязаны принимать мои слова на веру. Вы уже видели мой дирижабль — но мне есть что еще вам показать. — Она запустила руку во внутренний карман кожаной куртки и извлекла конверт, положила на стол перед Ганом. — Здесь фотографии. Они сделаны

недавно — да, после События. Это Красный город — такой, каков он сейчас.

Ган подвинул к себе конверт и достал стопку твердых и гладких листков. Он уже видел изображения такой точности в книгах. Сомнений быть не могло: это и вправду были фотографии. На них многоэтажные дома мерцали разноцветными огнями, толпы безоружных людей, сытых, одетых в причудливые наряды, которые совсем не годились для леса, шли по улицам, ехали в грохочущих паровых машинах. Над высокими башнями парили разноцветные дирижабли, реяли яркие флаги... Ган медленно перекладывал фотографии, стараясь сохранять спокойствие. Конечно, они могли оказаться подделкой... Но если нет? Что это значило для Агано — и для него самого?

— Что думаете? — Капитан Стерх слегка потянулась, выпрямилась в кресле.

— Я видел мало фотографий, но знаю, что при необходимости их можно и приукрасить, — осторожно сказал Ган, продолжая рассматривать снимки.

— Я понимаю, что этого может быть недостаточно. — Теперь голос капитана Стерх звучал не так жестко, как прежде, стал вкрадчивым, обволакивающим. — В скором времени правитель Сандр организует встречу в наших стенах. Встречу для представителей крупнейших общин... Большая община в наше время — знак, что человек, стоящий у ее основания... заслуживает уважения. Мы хотим, чтобы такие люди услышали нас, и хотим услышать их. Мы не хотим войны или ин-

тервенции... Напротив, жаждем сотрудничества. Мы предлагаем новые торговые пути, систему кооперации для защиты и торговли, гуманитарную помощь для тех, кто в ней нуждается. Разумеется, вам не обязательно присутствовать там лично. Отправьте послов — мы вернем их в целостности и сохранности. — Она рассмеялась, как будто между ними все было решено. — Думаю, вам уже стало ясно — мы их не съедем.

— Моих домыслов и вашего остроумия недостаточно для того, чтобы я согласился рисковать жизнью даже одного моего человека, — сказал Ган резко и отодвинул фотографии. — Если я решусь принять ваше предложение, вы должны будете оставить кого-то из своих людей в Агано. Мы здесь тоже не грешим каннибализмом... Даже по отношению к тем, кто вмешивается в наши дела. — Ган коротко рассмеялся, но капитан Стерх не улыбнулась его шутке. Некоторое время он молча ждал ответа и, не дождавшись, встал, показывая, что разговор закончен.

— Было приятно познакомиться, капитан. Ваши люди...

— Подождите. — Лицо Стерх скривилось, как будто она глотнула несвежего молока. — Ладно. Думаю, это возможно. Этот... обмен может быть осуществлен. Когда вы сможете принять решение?

Ган улыбнулся:

— Уже принял, капитан.

Глава 2. Артем

Прошло уже две недели с тех пор, как они присоединились к каравану, но Артему удалось надолго ускользнуть ближе к вечеру только в третий раз. Кая смотрела на его отлучки сквозь пальцы, хотя и считала, что он играет с огнем. К счастью, у нее были дела поважнее, чем следить за ним, — наблюдать за попутчиками. Кая не доверяла ни главе каравана — женщине, которую все называли Мама Лита, — ни ее телохранительнице, угрюмой и молчаливой Лее, да и вообще никому из тех, с кем они уже много дней путешествовали и жили бок о бок.

Продираясь через кусты, Артем думал о том, что доверился бы людям, которые до сих пор не сделали им ничего дурного... С другой стороны, возможно, именно подозрительность Каи все это время спасала их обоих от серьезных неприятностей.

Артем зябко повел плечами — вечера становились все холоднее, напоминая, что теплые дни не будут длиться вечно. Но он все еще исправно вел дневник и знал, что лето далеко от завершения.

Листья клена, под которым остановился Артем, начинали рыжеть, покрылись темными пятнами и дрожали на тонких стеблях, как старческие ладони. Артем прислонился спиной к стволу, прикрыл глаза и попытался выбросить все лишнее из головы. Это было сложно — не столько из-за необходимости не забывать держать руку на рукояти ножа у пояса, сколько из-за мыслей о Кае, о себе и о том, что цель их путешествия уже совсем близка.

Строго говоря, ни Кая, ни он сам не слишком хорошо представляли себе, что их ждет по прибытии в Красный город и с чего им начать, когда они там наконец окажутся. «Разберемся по ходу дела», — говорила Кая, когда он пытался расспрашивать или строить планы. Казалось, с тех пор, как они начали двигаться в сторону Красного города, Кая что-то для себя решила. Если она и волновалась, то никак этого не показывала.

Артем не разделял ее спокойствия, но сейчас это было необходимо — иначе ничего не получится. Он отошел достаточно далеко от лагеря. Поздние лучи с трудом проникали сюда сквозь кроны деревьев... А если кто-то из караванщиков окажется поблизости, от посторонних взглядов защитят густые заросли.

«Приди, — думал Артем, стараясь сосредоточиться на одном этом слове: — Приди. Приди. Приди».

— Приди, — шепнул он вслух, не сдержавшись, хотя уже знал по опыту почти месяца попыток, что это не поможет, — ну, давай. Приди!

Колючие кусты с крохотными алыми цветочками слегка колыхнулись, и Артем вздрогнул от радостного предвкушения. «Приди, приди, приди», — пел его внутренний голос, торжествуя, и Артем почувствовал, как, щекоча шею, потекла вниз по спине капелька холодного пота. Ему очень хотелось отбросить слишком сильно отросшие темные волосы с лица, но он не осмелился: боялся сбить настрой. Строго говоря, в новой прическе он нашел свои плюсы — теперь не видно было ушей, всегда казавшихся Артему чересчур оттопыренными, и даже длинные ресницы и никак не желавшая выглядеть мужественно щетина будто перестали бросаться в глаза. Или ему так только казалось.

Кусты замерли, словно в нерешительности, и Артем тихонько чертыхнулся.

— Приди, — отчаянно повторил он, надеясь усилить мысленный призыв, — видишь, я больше не думаю обо всякой ерунде... Ой... Приди!

Кажется, его упорство заставило кусты смириться — с негромким шуршанием они разошлись, как тяжелый занавес, и к клену, неспешно паря в прозрачном вечернем воздухе, приблизился Тень.

Еще несколько недель назад Артему казалось, что он никогда не привыкнет к тому, как выглядит Тень, — к огромному черному телу, то ли чешуе, то ли перьям на нем, четверем когтистым конечностям... И особенно к тьме, клубившейся там, где должно было быть лицо — или морда, — прямо над зубастой пастью и тонкими змеиными ноздрями...

Когда Тень впервые явился ему, застав одного в лесу, Артем был абсолютно уверен, что жить ему осталось меньше минуты. Тогда он просто остолбенел и мысленно твердил: «Не трогай меня, пожалуйста, не трогай, не трогай...» А потом вдруг впервые почувствовал то, что потом стал называть «контактом». Его мысли и слова как будто текли, струились сквозь сознание Тени, который стал отвечать.

Тень не тронул его. Он продолжал пытаться говорить с Артемом. И являлся — иногда по зову, а иногда и по своей воле, когда Каи не было рядом. И постепенно любопытство взяло верх над страхом.

«Здравствуй», — сказал Артем мысленно, изо всех сил стараясь не дрожать и стоять прямо, глядя в темный, равнодушный пар над ноздрями Тени.

«Здравствуй», — раздался у него в голове голос Тени, пахнувший лесом и туманом, сыростью и гнилью. Артем давно перестал задаваться вопросом, как вообще голос в голове может чем-то пахнуть, — у него и так хватало загадок. Например, он до сих пор не знал, почему Тень отвечал на его реплики с точно такими же интонациями, какими были его собственные, — как равнодушное, холодное эхо. Насколько развитым интеллектом он обладал на самом деле? Артему оставалось только гадать.

«Он. С ты».

Артему не нужно было переспрашивать, чтобы понять, о чем спрашивает Тень, — существовала лишь одна вещь на свете, которая могла волновать их обоих.

«Нет, — ответил он. — Он у Каи».

Тень медленно перевернулся в воздухе — теперь он парил совсем близко к Артему вниз головой, и с его длинных клыков на укрытую сухими листьями землю стекала зеленоватая вязкая слюна. На этот раз Артем не услышал ни слова — он чувствовал только эмоцию Тени — продолжительную, ленивую... Непонимание.

«Кая, — повторил Артем медленно, растягивая обе гласные в ее коротком имени. — Она. Девушка. Она. Со мной. Кая».

Тень снова перевернулся.

«Она, — повторил он, и на этот раз в его голосе было узнавание. — Она».

Артем пошатнулся от чужого видения, ударившего его сознание резко, как таран. На мгновение он увидел Каю: с досадой отбрасывая рыжую косу за спину, она тянулась за чем-то. Он видел только ее — вокруг клубился туман, в котором таяли очертания других людей и предметов.

Артем с трудом выдохнул сквозь плотно стиснутые зубы, и видение пропало.

«Да. Это Кая».

Он даже не знал, помнит ли Тень, как зовут его — Артема. За время их общения он успел понять о Тени не так много, как ему хотелось бы, но одно было ясно: Тень не интересовался именами... И, возможно, вообще не догадывался, зачем люди их используют.

«Камень в порядке», — подумал Артем и почувствовал, как по спине стекает новая струйка пота. Мысленно общаться

с Тенью было все равно что ворочать глыбы высотой в человеческий рост.

«Камень — в Красный город. В Красный город». Тень слегка дрожал, как будто воздух вокруг него плавился. Каждый раз, когда они с Артемом говорили, Тень напоминал ему, что камень обязательно нужно доставить в Красный город... Возможно, Тень не знал, что еще сказать Артему, — или полагал, что он туповат.

«Да, я знаю, — терпеливо подумал Артем. — Знаю. Знаю. Пожалуйста, скажи мне...»

На мгновение Артем замер, пытаясь понять, что именно хочет узнать больше всего. Что произошло пятьдесят лет назад, когда между нашими мирами стали открываться про-
рехи? Что такое сложившийся из двух частей красный камень, который мы несем в Красный город? Что ждет нас там? Что я должен сделать?

Все эти вопросы мелькнули у него в голове и пропали. Артем знал, что бесполезно пытаться спросить о чем-то настолько сложном... Даже на то, чтобы впервые сказать Тени «Здравствуй», у него ушло несколько попыток.

«Ты свободен», — ухнул голос у него в голове, и Тень неспешно скрылся в кустах. Видимо, Артем думал слишком долго. Некоторое время он стоял, прижавшись к клену, чувствуя, как постепенно в мир возвращаются привычные краски, тепло и свет. Ему всегда казалось, что одним своим присутствием Тень вытягивает все это, как губка... И все же каждый раз, видя его, Артем не мог сдержать восторга.

Ему удалось установить контакт с существом из прорехи — огромным, опасным и, главное, разумным. Да, до сих пор они не сильно продвинулись в общении, но Артем не унывал. С чего-то нужно было начинать.

Артем точно знал: он на пороге великого открытия, а значит, оставалось только двигаться вперед.

Он возвращался к лагерю караванщиков по собственным следам. Теперь он уже не боялся заблудиться, как прежде, и ходить по лесу один. Правда, громкий хруст ветки или уханье совы до сих пор заставляли его нервно озираться и хвататься за оружие, и он ни на мгновение не позволял себе быть беспечным... С другой стороны, втайне Артем полагал, что и Кая, когда ей не нужно изображать перед ним уверенность и невозмутимость, ведет себя точно так же.

Лес светлел. Артем задрал голову и увидел рваные облака. Они плыли по высокому закатному небу. Небо было оранжевым, цвета осени. Он глубоко вдохнул прохладный чистый воздух, зябко повел плечами. Пахло хвоей и немножко яблоками — возможно, где-то неподалеку росли яблони, а он и не заметил. Было бы здорово нарвать яблок и принести в лагерь: Кая их любила.

Холодало. Туман медленно полз по траве, словно с усилием перелезая через особенно высокие холмики или коряги, и Артем ускорил шаг. Нечисть любила туман, как и вообще влажность, и ему вдруг резко расхотелось искать яблони. Артем был почти уверен, что Тень, в случае чего, защитит тех,

кто исполняет важную для него миссию... Вот только «почти» — это очень много, когда речь идет о человеческой жизни.

Из-за деревьев послышалось тонкое лошадиное ржание, и Артем с облегчением выдохнул: караванщики были совсем близко. Он свернул у пня, похожего на жабу, и увидел их лагерь.

Караванщики шли без остановок весь день, по очереди отдыхая в фургонах, а на ночь делали привал, чтобы дать поспать лошадям. Место для привала всегда шли искать разведчики — доступное для повозок и лошадей, несмотря на заросли и завалы, но при этом достаточно надежное пристанище найти было непросто. Караван, к которому им с Каей посчастливилось прибиться по совету Дали вскоре после того, как они покинули Северный город, состоял из полутора десятков больших повозок.

Артему нравились эти фургоны. Они напоминали ему старинный бродячий цирк — такой он видел на картинках в книге. Они были покрыты одинаковой плотной тканью, пропитанной воском для защиты от дождя, и украшены нитками разноцветных стеклянных и глиняных бусин, надписями и рисунками. На боку фургона, в котором им с Каей досталось местечко, было выведено синей краской «Глаза голубой собаки», а чуть пониже кто-то коряво нацарапал «Anno Domini». Что это значит, Артем не знал, но ему нравилось загадочное звучание обеих надписей и то, как нитки прозрачных бусин, развешанные над входом вместе со связками перьев и сухого

чеснока, стучали друг об друга, когда они медленно продвигались вперед. Колеса повозок были старинными, с резиновыми шинами, снятыми с автомашин, и, крутясь, забавно шуршали. Артему нравилось, что караванщики любили свои фургоны и лошадей. Лошади с длинными косами грив и хвостов, крупные, холеные, выглядели более сытыми, чем люди.

Кая была против того, чтобы сближаться с кем-то из временных попутчиков, и на словах Артем соглашался с ней, но никто не мог помешать ему наблюдать. Он знал, что хозяин их фургона, высокий и молчаливый Марк, зовет лошадей по именам и долго гладит каждую из них перед сном. Знал, что в следующем за ними фургоне живет семья цыган под предводительством статной однорукой Мама Литы, о которой уважительно шепчутся вполголоса. Мама Лита носила несколько килограммов разноцветных бус, была знахаркой и умела предсказывать будущее, но делала это только для жителей общин, мимо которых им доводилось проезжать, или случайных путников. Никому из караванщиков Мама Лита не гадала, как ее ни просили.

Артем заметил также, что крупная, не по-женски сильная Лея, охранница каравана, сыплющая ругательствами направо и налево, любила читать, как и они с Каей. Время от времени он замечал ее с книгой в руках и изнывал от желания подойти и спросить, что она читает, но не смел.

До сих пор никто из караванщиков, которым они заплатили бóльшей частью полученных в Северном городе лекарств и припасов, не пытался причинить им вред или даже